

**СОВЕТСКАЯ
МИЛИЦИЯ**

**ЭПОХА
ПОРЯДКА**

Валерий ШАРАПОВ

**Холодные
сумерки**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник *Павел Магась*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Холодные сумерки / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Советская милиция. Эпоха порядка).

ISBN 978-5-04-205613-0

Конец восьмидесятых годов. Во Владивостоке орудует жестокий маньяк. Пять жертв за две недели. Все — женщины от двадцати до тридцати пяти лет, у всех на теле вырезаны странные знаки, напоминающие сектантские, и извлечены внутренности. Расследование поручено майору милиции Дмитрию Меркулову. Он понимает, что столкнулся с серией, но отказывается верить, что это дело рук секты. По его мнению, убийства совершает одиночка, владеющий навыками хирурга. Очередное похожее преступление подталкивает майора к решительным действиям. Он задумывает поймать маньяка на живца, для чего просит свою коллегу подыграть ему в смертельно опасном спектакле...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205613-0 © Шарапов В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ИНТЕРЛЮДИЯ

Скульптор

Он не знал, как зовут эту девушку, и не хотел знать. Долгое время она оставалась для него просто «девочкой из киоска на остановке». Темноволосая, стройная, какие нравились ему со школьной поры, но что с того? Первый настоящий интерес возник к ней, когда Скульптор увидел ее с фотоаппаратом. От того, как она прикусывала губу, делая снимок, — сосредоточенно, как охотник при виде жертвы, — свело желудок. Девушка его не видела — он стоял за бетонным блоком, оставленным когда-то у заброшки.

Но по-настоящему его заворожили изменения в ней. Месяцы, недели он смотрел, как тускнеют ее глаза, как становятся слишком резкими, дергаными движения рук и головы. Он видел это и недоумевал: неужели больше никто этого не замечает? Не видит гусеницу, из которой нужно помочь вырасти бабочке, иначе погибнет? Нет, конечно. Другие люди смотрят иначе, это Скульптор понял давно.

А потом девушка перестала приносить камеру, и он ощутил — пора.

В тот день автобус все никак не ехал. Ветер продувал дорогу насквозь, и девушка ежилась, кутаясь в серую шерстяную кофту. Больше на остановке никого не было.

Скульптор знал, что до смены на заводе еще три часа, что запоздалые огородники уже разъехались. Иначе он не пошел бы.

— Ну что же вы, девушка, ведь совсем застынете, — сочувственно сказал он, сутулясь. — Такси надо вызывать. Или радио не слушаете? Там ведь авария прямо перед депо, грузовик с кирпичами перевернулся, пока его еще уберут...

— Но у меня нет...

— А давайте я вас подвезу? Как раз возвращаюсь, вот, с добычей. — Он поднял пакет с купленной заранее на рынке зеленью и стеснительно улыбнулся. — Да вы не бойтесь. Я ведь сколько билетиков лото у вас купил? Помните?

— Нет. — Отвечая, девушка не улыбнулась, но он знал, что победил. — Хорошо. Спасибо.

— Вот и хорошо, — говорил он, уводя ее на боковую грунтовку. — А то так и замерзли бы. А машина вон там, видите, сейчас дойдем, печку включу, и поедем. Только очки надену. Зрение ни к черту не годится.

Заводя двигатель, он открыл чехол для очков, который всегда носил с собой.

Внутри тускло блеснули сталь и стекло.

ГЛАВА 1

1. Засада

Жутко хотелось курить. Дмитрий маялся в мягком прохладном тумане, мечтая о сигарете. Стрельнуть можно было у оперативников, которые дымили что твой паровоз, но что он за хирдман¹ без силы воли? Клуб исторической реконструкции был тайной страстью Дмитрия — и тайным же стыдом. Советский следователь не должен бегать по полям, надев самодельную кольчугу, как какой-то хипарь. А еще советский следователь должен подавать положительный пример гражданам мазурикам.

Лес, окружающий станцию «Чайка», обнимающий Биолого-почвенный институт на вершине сопки, шумел листвой и граял воронами. Дмитрий мгновение подумал и протянул последнюю карамельку наглой и удивительно жирной белке, которые в изобилии здесь водились. Сублимировать желание закурить стало нечем.

— Эспандер купи, — сказал Михаил Измestьев. Этого опера из Первореченского отдела милиции Дмитрий знал давно. Любимец женщин и любитель футбола, Миша-опер славился редкой нетерпимостью к медвежатникам. — Или закури уже. Дергаешься. Плохая примета.

---

¹ Хирд — боевая дружина в Скандинавии эпохи викингов.

Дмитрий только неопределенно пожал плечами. Не признаваться же в том, что поводом бросить курить стало подслушанное позавчера изречение: «Целоваться с курящим — все равно, что облизывать пепельницу» — от Ольги Эйвазовой, нового эксперта, только-только окончившей МГУ. Засмеют.

К тому же Миша подначивал не всерьез, он тоже нервничал. Сколько ни выезжай на задержания, а привыкнуть к ним не получится. Все равно будет потряхивать — от погрузки в бобики, от дороги, от неизвестности.

Гоша Переплетчик впервые попал в отделение в тринадцать — за кражу. Дальше — больше. Кража. Причинение тяжких телесных. Грабеж. Побег, за который он и получил прозвище. В последний раз Гоша вышел полгода назад, а позавчера, если информатор не соврал, с двумя подельниками взял груз шуб из химчистки на Снеговой. В химчистке осталось тело приемщицы, задержавшейся после сдачи кассы, чтобы дожидаться жениха. Не дождалась.

Теперь ждали оперативники.

Женщина, позвонившая в дежурку, напрочь отказалась сообщать имя или давать показания, но уверяла, что Гоша с подельниками прячет добычу именно здесь — в облупившемся зеленом домике за покосившимся дощатым забором. Что приедут они вечером, двадцать первого мая, когда стемнеет.

— Машина, — тихо обронил Михаил, гася сигарету о подошву обуви.

И правда, по мокрой от тумана гравийке приближалась зеленая «шестерка» с какими-то кулями на верхнем багажнике. Опера подобралась. Дмитрий провел рукой по карману и мысленно выругался: во-первых, сигарет там больше не было, а во-вторых, не время.

«Шестерка» промчалась мимо, даже не притормозив, — дальше, к федеральной трассе. Молоденький лейтенант — Дмитрий все никак не мог запомнить его имя: то ли Владимир, то ли Владислав, — выругался.

— Может, наврала? — поинтересовался Михаил, чиркая спичкой. — Вот зараза, не хочет гореть, и все тут... Так вот, может, наврала и про базу, и про число? Сидят там сейчас и ржут над нами. Шубы считают. Слушайте, а там что, правда затесались песцы горкомовского секретаря? То есть его супруги.

— Праффда, — ответил Иван Таранд. Белобрысый и подтянутый эстонец десять лет как променял Балтийское море на Японское, но так и не избавился от мягкого акцента. — Только дело там не с шубами, а с платьями. Моя хорошайа потруга слушит в исполкоме машинисткой. Говорила, зафтра у председателя горисполкома встреча с делегацией из Ленинграда. Прием, ушин с супругами, а сатем прогулка по городу. А платья в чистке. Ну и шубы тошше, после зимы. Торогие!

— А подруга твоя хороша, — мечтательно вздохнул безымянный лейтенант. — Видел раз, как вы под ручку из театра выходили. Красавица. Как только подцепил такую. Даже говорить толком не выучился.

— Вот и витно, что молотой, — отбрил Иван, — Клавное не как каварить, а што. А еше вашно, што делаешь. Нишего, научишься...

— Тише, — Дмитрий кивнул на дорогу, где из тумана показался пикап, грязный и облезлый настолько, что заводской цвет было не угадать. — Они. Михаил, гаси свою... отраву.

Откуда приходила эта уверенность — он сам не знал. Просто чувствовал, что они. Может, дело было в том, как

нагло, по-хозяйски держался на дороге пикап, как на долю секунды дольше, чем нужно для поворота, задержался луч фар на обшарпанных стенах дома.

Когда пикап, помедлив, свернул к воротам из железной сетки, Дмитрий даже не удивился.

Скрипнула дверь, из машины выбрался коренастый мужик в серой куртке и пузырящихся на коленях трениках, принялся возиться у замка. Механизм не поддавался: то ли заело, то ли заржавел, и до леска, где пряталась группа, донесся приглушенный голос.

«Об этом тоже сообщили по телефону. Вован Расторгуев. Вор-рецидивист. Один у ворот, один за рулем, а где третий? Остался в городе?»

— Ну ты, мать твою, волшебник, — то ли осуждающе, то ли одобрительно проворчал Михаил, доставая служебный «макаров».

Остальные повторили его движение. Сейчас было уже не до разговоров и смешков. Дождаться, пока все войдут в дом, окружить и...

Распахнулась водительская дверь пикапа, и из машины вылез сам Гоша — высоченный, тонкий и какой-то нескладный, словно собранный из жердин. Зло, так что пошло эхо, хлопнул дверью и прошел к воротам, вырвав из рук подельника ключи. Оба бандита стояли спиной к деревьям, и от группы их отделяли только дорога и безлесная полоса вдоль нее.

— А вот теперь и пошли, — негромко скомандовал Михаил и бросился вперед.

За ним к дороге метнулись и остальные. Дмитрий только проводил оперов завистливым взглядом. Неимоверно хотелось туда же, в дело, хватать и крутить, азартно материться — но мешали недавно полученные корочки следователя. Отныне лихие наскоки не для него. Остава-

лось только смотреть, анализировать, а потом оформлять. И завидовать.

Мокрая трава скрадывала звук шагов, поэтому бандиты обернулись, только когда опера захрустели обувью по траву. Несколько шагов.

— Га-а, — заорал Расторгуев, ощерясь прокуренной пастью, — волки па-азорные!

Он выхватил из кармана финку, щелкнул кнопкой, выбрасывая лезвие. Гоша молча полез в пикап через пассажирскую дверь.

Грохнул предупредительный выстрел, и он замер, сложившись чуть ли не вдвое.

— Не советую, — Михаил качнул стволом «макарова», из которого еще струился дымок. — Деваться вам некуда. Клади перо, и поедем спокойненько.

Деваться и правда было некуда. Дмитрий и отсюда, от деревьев, видел, что кольцо оперативников прижало бандитов к забору. Пикап? Не успеть. Лезть через забор или ворота? Стащат. Финита ля комедия. Точнее, трагедия.

Расторгуев тоже это понимал. Скалясь, глянул влево, вправо, крутя в пальцах нож.

— Распишу, как пасхальные яйца!..

Дальше все должно было пойти как по нотам. Немного ругани, немного вежливых уговоров — и парочка рецидивистов со скованными руками пакуются в бобик. Так и случилось бы, не стукни входная дверь.

— Ложись! — заорал Дмитрий еще прежде, чем увидел отблеск металла на ружейном стволе.

«Не малина, хаза! Они не прячут тут хабар, а живут! И третий остался здесь, пока те двое ездили...»

Додумать не дали. Выстрел. По кустам левее хлестнула дробь, и Дмитрий рухнул за ближайшее дерево — старый толстый клен.

Оттуда он видел, как оперативники разбегаются в стороны, ища укрытие. Как Михаил бросается в ноги Вовану и валит его, приложив головой о железный столб ворот. Как мужик в одних подштанниках пытается дрожащими руками перезарядить ружье. Как Гоша огромными прыжками несется к лесу. К нему.

— Стой, стрелять буду!

Дмитрий вскочил, нащупывая рукоять пистолета, — и тут же отпрыгнул, когда рецидивист отмахнулся ножом. Ломая кусты, Переплетчик проскочил мимо и понесся по тропе вверх, к вершине сопки.

«А тропа идет до НИИ. А там — ищи ветра в поле».

Додумывал Дмитрий уже на бегу. Потерять Переплетчика он не боялся: сворачивать с тропы в лес ночью — только ноги ломать.

Бегать за преступниками Дмитрий не любил, еще будучи опером. Это в кино милиционеры — и западные копы — несутся, словно марафонцы на стероидах, а воришки еле плетутся. В реальности новые казенные ботинки натирают ноги, в боку колет, что твоей финкой, прокуренные легкие не дают вдохнуть, а такой вот Гоша бежит, переставляя свои циркули, словно сдает норму ГТО на скорость.

«Ничего. В тюрьме марафонам и здоровому образу жизни не учат».

Пот заливал глаза, но спина Переплетчика все-таки приближалась. Ближе. Еще. Почти. Бандит оглянулся, сверкнув оскалом. Почему-то это разозлило Дмитрия, жутко захотелось выбить ему зубы, переломать кости, даже если уголовно-процессуальный кодекс был против. Он выдохнул, прыгнул вперед, отмахнулся от ножа, перехватил руку Переплетчика, бросил и провел удушающий прием... И лишь когда мазурик захрипел, придушенный, Дмитрий сообразил, что рука болит обжигающей, мерзкой болью.

«Зацепил, гад».

Зашелкнув на Гоше наручники потуже, Дмитрий, шипя от боли, поднял рукав. К счастью, разрез оказался неглубоким, но длинным: нож скользнул вдоль предплечья. Жить можно.

— С-сука. Ментяра поганый. К-кукан ссученный...

Стрельба там, внизу, утихла, зато слабо доносился мат опера, отчаянный собачий лай и взвизги огородниц, собравшихся посмотреть, что происходит. Лес вокруг, испуганный было погоней, тоже оживал лягушачьим кваканьем.

КуриТЬ хотелось так, что сводило пальцы.

— Вставай, — выдохнул Дмитрий, вздергивая Гошу на ноги. — Побегал — теперь посидишь.

Выйдя из-за деревьев, он понял, что все действительно закончилось. Вован сидел у пикапа, держась за голову скованными руками. Оперативники отгоняли дачников, отбирали из них же понятых, уже начали обшаривать дом и территорию. По дороге приближались фары бобиков, оставленных перед засадой на боковой улочке. Там же посверкивала огоньками «скорая» — кто-то успел вызвать.

А на пороге зеленого обшарпанного дома лежал мужик в подштанниках. Так, что даже издали было видно: уже не встанет. Живые так не лежат. Третий, Григорий Овчинников по кличке Расстегай, мог больше не бояться тюрьмы или расстрела.

«Вот гадство, теперь лишний рапорт писать».

II. Разнос

В управление вернулись далеко за полночь, но обитатели здания еще и не думали уходить. Стоило открыть дверь, как на улицу выплеснулся гам голосов, отчаянный стук

печатных машинок и забористая приглушенная ругань. Михаил, который шел первым, ведя Вована, прислушался и кивнул сам себе.

— Беню-щипача снова привели. Вон, заливается. Кто, кроме него, матерится так, словно из академий не вылезает, хотя сам после пятого класса в школе-то не появлялся? «Артроспиры переливчатые», надо же.

Дежурный сержант поднял взгляд от журнала.

— Миша! Все целы?

Дмитрий поднял руку, демонстрируя толстую повязку, наложенную в «скорой». Как ни странно, из всей группы серьезно досталось только ему. Иван слегка потянул лодыжку, поскользнувшись на гравии, кому-то Переплетчик, пробегая мимо, поставил фингал, но на этом список травм исчерпывался. Чудо, потому что ружье Расстегая было заряжено крупной дробью, и возьми он чуть ниже!..

Чудо, впрочем, объяснилось просто. Когда оперативники, переступая через тело, вошли в дом, их встретила такая волна сивушной вони, что стало понятно: Расстегай, оставшись в одиночестве, пил не просыхая. Деревенский Игорь, понюхав кружку, авторитетно заявил, что в картофельный самогон явно добавляли полынь. Скорее всего, Расстегай, стоя на высоком крыльце, просто не видел, куда стреляет. Повезло.

— Мы целы. Синяки и порезы не в счет. А вот...

Сержант бегло оглядел ввалившуюся толпу.

— Расстегай?

— Кончился Расстегай. Прямо в сердце, навывлет.

— Влетит, — констатировал сержант, вписывая в журнал время и фамилии. — Курлянд уже час в кабинете сидит, злой, как медведь. Все очки сгрыз.

Полковник Давид Михайлович Курлянд, начальник отдела особо опасных преступлений, работал в сыске чуть ли

не с палеозоя. Сотрудники прозвали его Дедом, он их в ответ называл ищейками. В последние годы у Деда начало сдавать зрение, и на тощем скуластом лице появились ненавистные толстые очки в роговой оправе. Почти сразу у Курлянда появилась привычка: грызть дужки, когда он злился или нервничал. Он срывал с глаз очки, смотрел на виновника его плохого настроения бледно-серыми глазами навывкате, засовывал дужку в рот...

По словам сержанта, головомойка предстояла знатная. Да и то сказать — за дело.

Покачав головой, Дмитрий отправился в свой кабинет, где ждала старая печатная машинка, у которой плохо пропечатывался мягкий знак. Сзади доносился голос Михаила, сопровождавшего задержанных в обезьянник.

— О, Бенья! Какими судьбами? Что? Часы сами упали, а ты подобрал и нес вернуть? Какой сознательный, молодец! А держат за что? По ошибке, родельфисы поганые? А что такое родельфис?

Дверь закрылась, оставив только мягкий шум ночной улицы. Уходя, Дмитрий оставил зарешеченное окно приоткрытым, и сейчас в кабинете царил приятная прохлада.

Усевшись за стол, он заправил в машинку первый бланк и задумался, пытаясь понять, с чего начать. Так. Вещдоки отправлены в хранилище, под подпись. Задержанные заперты, ждут допросов. Описать ход операции... ход операции, которую готовили в спешке под его, Дмитрия, руководством.

«В 15:23 в управление поступил звонок от гражданки, пожелавшей остаться неизвестной. В ходе телефонного разговора была сообщена информация о том, что планируется преступление: ограбление...»

Спустя час рядом с машинкой появилась стопка отпечатанных листов. Дмитрий откинулся на спинку стула и по-